

Услышав от едва знакомого мужчины столь пылкое предложение поселиться вместе, Цю Чэньчжи поначалу собирался отказаться.

Однако в самый последний миг, когда резкое «нет» уже готово было сорваться с его губ, он вспомнил о Тяньцин-цзы, который лишь недавно покинул этот покой.

Откажись он сейчас — и в этом чужом, совершенно незнакомом мире ему пришлось бы и дальше делить кров с пронырливым белобородым старцем.

Тот лишь напускал на себя вид отрешённого от мирской суеты бессмертного. За те короткие полдня, что прошли с момента пробуждения, Цю Чэньчжи успел понять: старик — хитрец из хитрецов. Каждый его взгляд, каждое обронённое слово дышали тайным подозрением и желанием докопаться до истины.

Останься он наедине с владыкой Тяньцин-цзы подольше, маска фальшивого духа меча треснула бы при первой же беседе.

Взвесив всё, Цю Чэньчжи перевёл взгляд на замершего в ожидании Мо Ханя и после недолгой паузы едва заметно кивнул.

Ему требовалось как можно скорее освоиться в этом мире, чтобы наметить план дальнейших действий.

Стоявший перед ним юноша, хоть и казался одержимым оружием безумцем, обладал на редкость чистой душой. Из тех простодушных упрямец, что обречены до конца дней спать в обнимку со своим клинком.

Принять его приглашение виделось сейчас наилучшим выходом.

Заметив этот жест, Мо Хань наконец расслабился. Черты его сурового лица смягчились. Прижав ладонь к груди, он негромко, но веско произнёс:

— Я — Мо Хань.

Цю Чэньчжи окинул его долгим, изучающим взглядом и после затянувшегося молчания ответил:

— Цю Чэньчжи.

Мо Хань никак не ожидал, что дух заговорит, и неподдельно изумился:

— Это твоё имя?

Тот опустил ресницы:

— Да.

Убедившись, что его безмолвный спутник владеет человеческой речью, мечник обрадовался ещё сильнее.

«Только-только зародившийся дух меча, а уже понимает слова и может говорить! — подумал он. — Поистине, его ждёт великое будущее»

С таким исключительным даром этот клинок в постижении Пути Меча превзойдёт любого.

Мо Хань уже много лет не испытывал подобного воодушевления. Сейчас им владело лишь одно желание — уединиться с юным духом в каком-нибудь тихом уголке и целиком посвятить себя постижению тайнств фехтования. Поддавшись порыву, он крепко обхватил запястье Цю Чэньчжи и потянул его к себе.

От неожиданного рывка Цю Чэньчжи покачнулся и едва не налетел на грудь мечника. Кое-как удержав равновесие, он недовольно нахмурился.

Капризы новорождённого духа лишь позабавили Мо Ханя. На его суровом лице промелькнула едва заметная улыбка. Взмахом руки он призвал свой верный меч, по лезвию которого змеилась тонкая трещина.

Не успел Цю Чэньчжи и глазом моргнуть, как Мо Хань увлёк его за собой, взмывая в воздух. Они встали прямо на узкое, холодное лезвие. Мгновение — и встречный поток ветра бросил им в лицо клочья облаков. Оружие устремилось ввысь, разрезая небесную высь.

Сквозь тонкую подошву сапог явственно ощущалась острая, подрагивающая сталь, а далеко внизу проносились очертания горных хребтов и речных долин. Глядя на эту безумную картину, Цю Чэньчжи мог лишь молча молиться всем известным богам.

Мо Хань, уверенно направлявший клинок вперёд, ощутил его напряжение. Обернувшись, он спросил:

— Что-то не так?

Цю Чэньчжи бесстрастно отвёл взгляд и процедил:

— Всё в порядке.

«Надо же, впервые лечу на этой безумной штуке, а голова совсем не кружится, — мысленно усмехнулся он. — А я неплох. Горжусь собой»

Тем временем стальной блик рассёк небо над пиками Ордена Великого Небытия.

Младшие ученики, занимавшиеся внизу своими делами, случайно задрали головы и застыли от изумления.

Всего через час по потаённым закоулкам ордена поползла новая, ошеломляющая сплетня.

Суровый и нелюдимый старший брат Мо Хань навестил покой главы ордена, а вышел оттуда не один. Рядом с ним шёл прекрасный незнакомец, которого мечник немедленно увёл в собственную обитель.

Очевидцы клялись, что старший брат, никогда не терпевший чужого присутствия, не просто летел с гостем на одном мече, но и всю дорогу крепко сжимал его руку. Более того — он улыбался ему!

Старший брат Мо Хань... улыбался?!

После этой новости девичьи сердца младших сестёр по всему ордену разбились вдребезги. Лишь немногие упрямыцы ещё пытались цепляться за разум, твердя, что всё это — глупые наветы.

Ведь сколько они его знали, Мо Хань улыбался лишь в одном случае — когда держал в руках легендарное оружие.

Однако голос рассудка быстро потонул в бушующем океане слухов. Ученики самозабвенно предавались обсуждению подробностей.

Кто же этот таинственный гость? Смертный или заклинатель? Из какой прославленной обители явился и какова глубина его совершенствования? И, главное, как они сошлись?

Любопытство разгоралось всё ярче, и вскоре кто-то из старожиллов припомнил: незнакомец — тот самый таинственный юноша, которого глава ордена самолично доставил в свои покои и бережно выхаживал несколько дней.

Поистине неслыханное потрясение!

Но не успели обитатели пиков переварить эту новость, как прогремел следующий удар: глава ордена объявил о суровом наказании своего третьего ученика, Ду Цзина.

За дерзкое нарушение запрета и покушение на жизнь соученика Ду Цзину грозило лишение духовных сил и позорное изгнание. Лишь в память о его старшей сестре Ду Мин, отдавшей жизнь за процветание школы, приговор смягчили: юношу лишили статуса личного преемника главы и приговорили к вековому заточению.

Назидательное предписание предваряло призыв ко всем адептам строго соблюдать устав.

Орден содрогнулся от изумления.

Картина складывалась поистине невероятная:

Сначала уважаемый учитель привозит из странствий прекрасного незнакомца и селит в своих покоях.

Затем младший брат отправляется к гостю, дабы поднести ему новые одежды.

Вслед за ним, презрев строгий запрет, туда же рвётся вспыльчивый третий брат — и в порыве безумной ревности жестоко избивает младшего, за что немедленно платит свободой.

И, наконец, является непобедимый старший брат, хладнокровно забирает зачинщика раздора и увозит его в свои чертоги с довольным видом.

Любой любитель рыночных романов разглядел бы в этой цепочке событий сюжет для душещипательной повести о роковой любви, ревности и семейных распрях — драму, достойную сотен свитков.

Слухи плодились с каждым часом, с лёгкостью переходя границы разумного.

В тот час, когда эти домыслы достигли ушей Тяньцин-цзы, верховный старец мирно пил чай.

Едва преданный слуга изложил ему суть гуляющих по пикам бредней, почтенный глава ордена, чей облик обычно являл собой образец безмятежного величия, поперхнулся. Благородный настой окропил полированный стол, а сам старец согнулся в приступе кашля.

— Оборванцы! — восстановив дыхание, прохрипел Тяньцин-цзы. — Распустили языки! Смеют сочинять небылицы о собственных наставниках!

Разгневанный старец с силой швырнул на стол свиток.

— Если бы за этим не стоял умелый кукловод, костёр слухов угас бы сам собой! Кто раздувает пламя? Что до тех учеников внешнего круга, которых я приказал допросить? Выяснили хоть что-то?

Ощувив, как вокруг разгневанного наставника леденеет воздух, преданный адепт поспешно склонился до самого пола:

— Ученики внешнего круга брошены в застенки Управы Наказаний. После допросов с пристрастием они заговорили. Нам удалось нащупать след. Похоже, к подстрекательству третьего брата причастен... старейшина Наньхуа.

Гнев на лице Тяньцин-цзы на миг угас, сменившись маской холодного безразличия.

— Вот как? Излагай.

— Те смутьяны из внешнего круга в последнее время часто бывали на пике Южного Великолепия. Именно от прямых учеников Наньхуа поползли толки, будто привезённый вами гость — коварный искуситель, опутавший чарами разум главы. А негодяи лишь подхватили чужие речи. Кроме того, им посулили награду. Помощники старейшины намекнули, что за верную службу их могут принять в личные ученики и поселить на пике Южного Великолепия. Жалкие глупцы вообразили, будто в случае провала весь гнев падёт на голову Ду Цзина, а их, ничтожных прихвостней, никто искать не станет. Ослеплённые жадностью, они и решились отравить разум третьего брата своими наговорами.

— Жадные, трусливые ничтожества, — бесстрастно подвёл черту Тяньцин-цзы, вновь разворачивая свиток.

Однако на его чело набежала тень.

«Раз ниточки тянутся к Наньхуа, дело принимает скверный оборот»

Истинный владыка Наньхуа... Его дорогой младший брат! Когда-то они вместе постигали учение под руководством прошлого главы ордена, и оба пользовались безграничным доверием наставника.

Перед уходом в небытие старый учитель долго колебался, не зная, кому передать бразды правления — оба преемника были одинаково талантливы и сильны.

Но Тяньцин-цзы превзошёл соперника за счёт старшинства и более глубокого понимания Пути Меча. Он заслужил благословение учителя и встал во главе Ордена Великого Небытия.

Наньхуа, разумеется, затаил обиду. Однако годы шли, власть Тяньцин-цзы крепла. Он усердно трудился во благо ордена, неустанно возвращал свою внутреннюю силу и со временем стал признанным предводителем праведных школ. Сила, авторитет, связи — во всём он превосходил младшего брата. Наньхуа пришлось смириться. Он затих и довольствовался положением верховного старейшины.

Но стоило Тяньцин-цзы столкнуться с преградой в культивации, а после — потерять половину лучших учеников в недавней безжалостной бойне за артефакт, как амбиции Наньхуа вспыхнули с новой силой.

Подстрекательство безрассудного Ду Цзина было лишь прощупыванием почвы.

А грязные слухи раздувались ради одного: заставить главу оправдываться и объявить во всеуслышание, везёт ли он в орден легендарное божественное оружие.

Не окажись у него артефакта, выяснись, что вместо него он притащил безвестного юношу — и ропот недовольства среди уцелевших адептов и старейшин сокрушил бы авторитет лидера. Столько жизней погублено ради прихоти!

Если же сокровище действительно у него, вынужденное разоблачение позволило бы коварному старейшине оценить силу находки и подготовить ответный ход.

Собранные признания мелких прихвостней ничего не стоили. Без веских улик бросить вызов старейшине Наньхуа означало расколоть орден. Придётся смолчать и утереться.

Хитрый старейшина всё рассчитал безупречно. Только в одном просчитался...

«Ему и в голову не могло прийти, что великое сокровище, ради которого пролились реки крови, на самом деле — живой человек!»

В живых тогда остались лишь верховные патриархи великих школ да демонические предки. Простые адепты погибли у подножия Сто тысяч гор задолго до того, как сияние артефакта пробило облака.

Поэтому о подлинной природе сокровища знали единицы — лишь те, кто уцелел в той резне.

Вернувшись в свои владения, уцелевшие предпочли затаиться и держать язык за зубами — кто-то из страха перед мощью Тяньцин-цзы, кто-то ради выгоды своих кланов.

Тайна оставалась нераскрытой. И это давало Тяньцин-цзы идеальное преимущество для ответного удара.

— Учитель, — тихий, почтительный голос слуги вернул старейшину к реальности. — Сплетни множатся. Желаете ли вы пресечь их и явить истину?

Тяньцин-цзы прикрыл глаза.

— Осадить крикунов, безусловно, нужно. Объяви мою волю: всякого, кто посмеет и дальше молоть языком, пороча старейшин, ждёт суровая кара. Но раскрывать карты... ещё не время.

Старец откинулся на спинку резного кресла, мерно постукивая сухими пальцами по подлокотнику.

— Сколько дней осталось до Великого состязания ордена?

— Менее полумесяца, учитель, — склонил голову адепт.

— Передай мой указ, — властно произнёс Тяньцин-цзы. — Двадцать лучших мастеров, что покажут себя в битвах, удостоятся чести войти в Малое Иллюзорное Царство на горе Лазурного Севера. И вести их туда буду я сам.

Адепт ошеломлённо вскинул голову.

В мире совершенствующихся каждый знал: Малое Иллюзорное Царство — это древняя обитель, сотворённая великими бессмертными эпохи первозданного хаоса. Скрытые в ней сокровища и тайные знания по своей ценности едва ли уступали недавно явленному артефакту. Внутри подстерегали смертельные ловушки, но и шансы обрести истинное просветление были невероятно высоки.

Каждый практик грезил хотя бы раз переступить порог этого измерения. Однако открыть проход было невероятно трудно — для этого требовались колоссальные усилия как минимум трёх великих мастеров уровня патриархов крупных орденов.

Затраты духовных сил на сотворение ключа были столь огромны, что врата отворялись лишь в исключительных случаях. Зачем же верховному старейшине идти на такие жертвы именно сейчас?

Заметив немой вопрос во взгляде слуги, Тяньцин-цзы медленно погладил длинную серебристую бороду.

— В недавней битве цвет нашего ордена понёс невосполнимые потери. Пришло время вырастить новую смену воинов, способных защитить наше имя.

<http://bllate.org/book/20750/2106659>